

Прежде Янь Юйчэнь то и дело поддразнивал его, и Тан Цзю всякий раз терялся. Но теперь, когда этот мужчина склонился к самому его уху и полностью обнажил свои чувства, юноша и вовсе лишился всякой защиты. Он окончательно растерялся, не понимая, как себя вести.

Кончики его ушей густо покраснели, а сердце забилось с бешеной скоростью. Тан Цзю никогда прежде не сталкивался с такой глубокой, обжигающей страстью. Он совершенно не знал, как реагировать, а потому лишь уткнулся лицом в плечо Янь Юйчэня и затих, словно испуганный птенец.

Янь Юйчэнь не стал на него давить. Он лишь молча обнимал юношу еще какое-то время, а затем медленно разжал руки. Напряжение наконец сошло с его лица, уступив место мягкости.

— Хочешь орехового печенья?

Еще минуту назад у Тан Цзю не было ни малейшего аппетита, но теперь он внезапно проголодался. Поспешив к столу, он открыл ларец для еды, выудил одну штуку и отправил в рот. Сладкий, хрустящий вкус заставил его довольно зажмуриться от удовольствия.

Глядя на эту умирительную картину, Янь Юйчэнь наконец тихо улыбнулся.

Когда Тан Цзю наелся, мужчина достал платок, осторожно взял его за руку и принялся бережно вытирать его испачканные пальцы.

Тан Цзю послушно замер, позволяя ухаживать за собой, а затем, поразмыслив, предостерег:

— Государь в последнее время повадился сюда ходить. Тебе лучше пока не появляться, неровен час — столкнетесь.

Янь Юйчэнь ничего не ответил. Закончив, он убрал платок и спросил изменившимся голосом:

— Вы спите в одной постели?

Тан Цзю лишился дара речи.

«Видит небо, я и сам этого не желаю!»

— Он прикасался к тебе? — снова заговорил Янь Юйчэнь.

— Нет! — поспешно, будто ему наступили на хвост, выкрикнул Тан Цзю и тут же смущенно заикнулся: — Я ведь так сильно расшибся... как бы он мог... ну, это самое.

Мужчина пристально посмотрел на него:

— А когда поправишься?

Тан Цзю поперхнулся, осознав, что перед ним встала действительно серьезная проблема.

С ростом очков раскаяния Янь Юйсюань проникался все большей симпатией к Линь Цзиньчжи, и в его поведении вновь проскальзывало прежнее желание осыпать супруга милостями. Но когда раны заживут окончательно, что делать, если этот собака-император решит затащить его в постель?!

От одной этой мысли Тан Цзю позеленел и умоляюще уставился на Янь Юйчэня.

Янь Юйчэнь только собирался ответить, как снаружи раздался зычный голос слуги:

— Его Величество Император прибыл!

Тан Цзю подскочил от испуга:

— Какого черта он тут забыл?!

На лице Янь Юйчэня тоже отразилось мимолетное удивление. Очевидно, он пробрался во дворец лишь потому, что его шпионы доложили: Янь Юйсюаня сегодня не будет. Кто же знал, что тот вернется так рано!

Тан Цзю заметался по комнате, словно у него загорелся подол. Он в мгновение ока спрятал ларец с печеньем. Слыша, как шаги правителя уже раздаются у самых дверей, и понимая, что Янь Юйчэнь просто не успеет выпрыгнуть в окно, юноша ухватил его за рукав, дотащил до кровати, рывком откинул расшитый полог и указал на щель под ложем:

— Быстро лезь под кровать!

Янь Юйчэнь онемел от такого предложения.

Скрывая усмешку, он поглядел на Тан Цзю, мягко провел большим пальцем по его губам, стирая крошку от печенья, и тихо шепнул:

— Не паникуй.

В следующий миг его силуэт смазался: легким, бесшумным движением он взмыл под самый потолок и укрылся за потолочной балкой так искусно, что не осталось видно даже края его

одежд.

Тан Цзю не успел опомниться от изумления перед столь безупречным мастерством легкости, как двери распахнулись и в покои вошел Янь Юйсюань.

Быстро обернувшись, юноша напустил на себя крайне удивленный вид:

— Ваше Величество? Мне докладывали, что сегодня вы не придете.

— Удалось уладить дела пораньше, — отозвался Император. — Гнездо Учения Великого Спокойствия в столице полностью уничтожено. Жаль только, их главарь оказался слишком скользким типом: пронюхал обо всем заранее и сбежал на юг.

Лицо Янь Юйсюаня потемнело от ярости:

— Но ничего, рано или поздно я изрублю этого подлеца на тысячи кусков.

Заметив тревогу на лице Тан Цзю, правитель тут же смягчился и сменил тон:

— Впрочем, полно об этом. Как ты провел день? Не слишком ли скучал в одиночестве?

— Все хорошо, после полудня я немного почитал, — без зазрения совести соврал Тан Цзю. — А недавно закончил ужинать и уже собирался ложиться.

— Вот и славно. Я тоже измотан государственными делами и изрядно устал, — Янь Юйсюань подошел ближе и по-хозяйски приобнял юношу за плечи. — Разделим же ложе.

Тан Цзю мгновенно покрылся гусиной кожей от омерзения. Он невольно скосил глаза на потолок, но тут же поспешно отвел взгляд, силясь скрыть оцепенение:

— Ваше Величество...

— Что такое? — усмехнулся Император. Он увлек его к постели, слегка подтолкнул на мягкие простыни и, нависнув сверху, шутливо протянул: — Столько времени прошло с нашей последней близости, неужто ты разробел?

С этими словами Янь Юйсюань мысленно подсчитал дни. С тех пор как вернулся Сяо Кэ'эр, миновало почти три месяца. Выходит, он целых три месяца не притрагивался к Линь Цзиньчжи.

Шэнь Кэ, безусловно, обладал своим очарованием, однако многолетняя жизнь среди простых

крестьян наложила свой отпечаток. Из-за тяжелой работы в поле его кожа огрубела под солнцем и ветром, лишившись былой белизны и нежности.

Линь Цзиньчжи был совершенно иным. Император прекрасно помнил, что тело его супруга напоминало драгоценный теплый нефрит — безупречное, лишённое единого изъяна. А при малейшем прикосновении оно тут же стыдливо покрывалось нежным румянцем.

Точно так же, как и в это мгновение.

Император шумно сглотнул, не сводя темнеющих глаз с лежащего перед ним юноши.

Просторное ночное одеяние слегка распахнулось, приоткрывая изящные изгибы шеи. То ли от смущения, то ли от гнева щеки и шею Тан Цзю залил яркий румянец, делая его облик невероятно соблазнительным.

Взгляд Янь Юйсюаня потяжелел, и он отчетливо ощутил, как в нем разгорается желание.

У Тан Цзю от страха зашевелились волосы на голове. Проклиная все на свете за то, что его худшие опасения сбываются прямо сейчас, он поспешно уперся ладонями в чужую грудь:

— Ваше Величество, постойте... мое тело еще не до конца исцелилось...

— Обещаю быть нежным, — с улыбкой шепнул Янь Юйсюань. Его пальцы скользнули к поясу юноши и потянули за шелковый шнур. — Заодно я лично проверю, насколько хорошо затянулись твои раны...

«Да чтоб тебя черти драли!» — мысленно выругался Тан Цзю.

Он уже готов был плюнуть на конспирацию и самолично спихнуть с себя наглеца, как вдруг Янь Юйсюань глухо охнул, закатил глаза и кулем повалился на него.

Тан Цзю проворно увернулся, и лицо собаки-императора с глухим стуком врезалось в жесткое изголовье постели. Спешно отскочив в сторону, юноша принялся неистово тереть плечи, пытаясь унять брезгливую дрожь.

Янь Юйчэнь бесшумно соскользнул с балки и теперь стоял у края постели. Он ледяным взглядом сверлил бесчувственного брата, а его лицо было темнее грозовой тучи.

— Ты... ты его вырубил? — прошептал Тан Цзю.

— Лишь заблокировал сонные точки на расстоянии. Когда он очнется утром, то решит, что

просто уснул от усталости, — Янь Юйчэнь притянул юношу к себе и принялся молча поправлять его растрепавшиеся одежды. Тан Цзю, косясь на его недовольную мину, благоразумно замер и послушно позволял себя одевать.

Закончив с завязками, мужчина извлек из-за пазухи круглую баночку и приоткрыл крышку. Внутри оказался мелкотертый порошок алого цвета.

— Что это? — любопытствовал Тан Цзю.

— Смесь из особых сушеных трав, — пояснил Янь Юйчэнь. — Если нанести ее на кожу, появится сыпь, которую не отличить от настоящей.

Тан Цзю мгновенно все понял. С такой маскировкой собака-император и близко к нему не сунется!

— Завтра на рассвете вели Сяо Шуньцзы позвать лекаря Ху. Пусть он подтвердит диагноз прямо при Янь Юйсюане, когда тот проснется, — Янь Юйчэнь подцепил пальцем немного мази и жестом попросил юношу приоткрыть ворот. Тан Цзю послушно подчинился, подставляя шею под легкие мазки целебного снадобья.

Когда к нему прикасался Янь Юйсюань, Тан Цзю испытывал лишь непреодолимое отвращение. Но теперь, когда подушечки пальцев Янь Юйчэня бережно касались его кожи, юноше показалось, будто по телу разливается приятный, щекочущий жар.

Совсем как тогда, когда этот мужчина поцеловал его в прошлый раз.

Пока Тан Цзю предавался смущенным мыслям, Янь Юйчэнь закончил работу. Юноша бросил взгляд в зеркало: на бледной коже шеи красовался десяток багровых пятнышек. Со стороны это выглядело на удивление достоверно, будто у него действительно разыгралась жуткая лихорадка.

Янь Юйчэнь бесцельно схватил спящего правителя за шиворот, словно мешок с овсом, выволок из постели и устроил в глубоком кресле. Затем он заботливо расправил простыни и взбил подушки.

— Ложись спать, — мягко произнес он. — Перед рассветом я верну его на место.

Помолчав мгновение, он добавил с ледяной решимостью в голосе:

— И это последний раз, когда он делит с тобой постель.

Тан Цзю не выдержал и, отвернувшись, тихо прыснул в кулак. Немного успокоившись, он

поинтересовался:

— А ты куда?

— Никуда, — отозвался Янь Юйчэнь. — Останусь здесь и буду беречь твой сон.

На душе у Тан Цзю стало тепло и покойно. Не говоря больше ни слова, он скользнул под одеяло и уютно свернулся на подушках. Янь Юйчэнь, изящным движением подобрал полы халата, присел на край ложа у его ног и ласково похлопал поверх одеяла, убаюкивая:

— Спи.

Впервые за долгие недели Тан Цзю уснул безмятежным, глубоким сном.

На следующее утро Янь Юйсюань очнулся в туманном полузабытии. Стоило ему сесть на постели, как все тело отозвалось ноющей болью, а суставы недовольно захрустели при каждом движении.

Он смутно припомнил, как собирался разделить близость с Цзиньчжи, но усталость, должно быть, взяла свое, и он провалился в беспамятство.

«Какая неловкость перед Цзиньчжи... Выставил себя на посмешище».

Повернув голову к спящему рядом супругу, Император испуганно замер. Юноша беспокойно метался во сне, судорожно вздыхая и хмуря брови, а вся его шея покрылась пугающими алыми пятнами.

Встревоженный Янь Юйсюань тут же растолкал Тан Цзю и немедленно приказал вестникам мчаться за придворными лекарями. Вскоре в покои поспешно вошел императорский лекарь Ху. Тщательно осмотрев сыпь и измерив пульс больного, он с крайне озабоченным видом доложил правителю:

— Ваше Величество, судя по всему, прежние раны императрицы Линь воспалились, что вызвало пагубные осложнения в крови и привело к появлению этой хвори. Данная сыпь чрезвычайно заразна. Я немедленно подготовлю для Вашего Величества отвар для защиты от недуга, однако впредь вам строго-настрого запрещено приближаться к императрице Линь.

Тан Цзю молча наблюдал за тем, с каким невозмутимым лицом лекарь Ху сочиняет эти небылицы, окончательно убедившись, что старик целиком и полностью предан Янь Юйчэню.

— Поправится ли императрица Линь? — с беспокойством спросил Янь Юйсюань.

— Разумеется, Ваше Величество, однако на это потребуется немало времени и полный покой,
— поклонился лекарь Ху. — Позвольте мне удалиться, дабы составить рецепт.

Когда лекарь покинул покои, Тан Цзю картинно закашлялся и со страдальческим вздохом обратился к застывшему у постели правителю:

— Ступайте, Ваше Величество. Опасайтесь заразы, не хватало еще, чтобы захворали и вы!

Хотя Янь Юйсюань и выказал заботу, собственное священное здоровье беспокоило его куда сильнее. Пробормотав на прощание несколько дежурных напутствий, он поспешил ретироваться — судя по спешке, напрямик в купальню, отмываться от невидимой заразы и окуривать себя благовониями.

Благодаря этой уловке Император действительно на пушечный выстрел перестал приближаться к Дворцу Вечного Веселья. Зато Янь Юйчэнь вернулся к прежним привычкам: стоило сумеркам сгуститься, как он ловко проскальзывал в окно. Всякий раз он приносил с собой не только редкие лакомства, но и занимательные городские повести да забавные безделушки, скрашивая затворничество юноши.

В один из таких вечеров он поделился новостью:

— Государь собирается совершить паломничество в Великий монастырь Сянго.

— Зачем это ему? — удивился Тан Цзю.

— Затея Шэнь Кэ, — усмехнулся Янь Юйчэнь. — Поговаривают, дабы вернуть благосклонность брата, Благородный супруг Шэнь последние две недели морил себя голодом и похудел на добрый десяток цзиней. А после в слезах умолял отпустить его в Великий монастырь Сянго, дабы вымолить благословение для государя и твоего здоровья. Брат, растроганный такой преданностью, вызвался сопровождать его лично.

Тан Цзю лишился дара речи.

«Что и говорить, истинный мастер драмы! С такой фальшивой святостью мне точно тягаться не под силу».

— Великий монастырь Сянго расположен в загородных угодьях, на дороге туда и обратно уйдет не меньше трех дней, — Янь Юйчэнь заговорщицки прищурился, глядя на него.

Тан Цзю непонимающе моргнул. Он все еще не улавливал, к чему клонит гость.

Янь Юйчэнь негромко рассмеялся. Оперевшись щекой о ладонь, он протянул руку и принялся неторопливо наматывать на палец шелковистую прядь его волос:

— Раз уж старшего брата не будет в столице... не желает ли моя дорогая невестка сбежать со мной из дворца и немного развлечься?

<http://bllate.org/book/20582/2131640>